

Русский бунт XVII-XVIII вв.: социокультурный анализ

Кузнецова Дарья Викторовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Кафедра региональных исследований, Москва, Россия

E-mail: kudavi@mail.ru

Тема крестьянских, городских и казацких восстаний в России в XVII - XVIII вв. достаточно хорошо изучена историками советской эпохи и, к сожалению, в настоящий момент перестала широко интересовать современный научный мир. Отчасти это реакция на гипертрофированный интерес советских историков к бунташной тематике, отчасти следствие неразработанности современного методологического инструментария для исследования. Однако, учитывая настоящее развитие социогуманитарного знания и выделение в связи с этим новых аспектов в исследовании уже давно описанных явлений отечественной истории, мы сталкиваемся с тем, что феномен русского бунта не был достаточно широко изучен в разрезе социокультурного и регионоведческого контекстов. В осмыслении темы русского бунта приняты традиции, установленные ещё советской наукой вместе с немногочисленными эмоционально окрашенными исследованиями дореволюционных историков. Некая апатия современных учёных к данной теме вызывает удивление, поскольку вопрос взаимодействия социальных, культурных, этнических, языковых, религиозных и иных аспектов развития идентичности народа в кризисное время как никогда актуальны в настоящее время, время становления и развития обновлённой национальной идентичности многоконфессиональной, полиэтнической, поликультурной России. Формальные причины восстаний, которые чаще всего историки (особенно советской научной школы) связывали с экономическими и классовыми аспектами, мы отодвинем на второй план и особое внимание уделим социокультурным и регионоведческим особенностям феномена бунта на примере восстаний XVII и особенно XVIII веков.

В российской истории данные века отмечены огромным количеством восстаний среди крестьянства, городского населения, и в особенности среди вольнолюбивых казаков. Бунташное состояние страны отражало определённое состояние региональной идентичности народа. Само понятие идентичность нам кажется здесь очень уместным, поскольку оно представляет собой качественную характеристику, присущую группе людей, проживающих в одном и том же социокультурном пространстве. Заметим, что социокультурное пространство не совпадает в границах с другими типами пространства - географическим, политическим, национальным. Такое пространство всецело связано с деятельностью и идентичностью субъекта данного пространства, в нашем случае народа, казаков. Более того, такое пространство в масштабе русского бунта приобретает особую культурную насыщенность, в которой культура теперь «предстает как целое, способное воспроизводить сложные взаимопроникающие пространственно-временные структуры, которые обладают повышенной семантикой» [1].

Одной из основных характеристик такой культуры становится популярность идеи самозванчества, связанная, в первую очередь, с десакрализацией монарха: Петр 1 и его преемники своими действиями способствовали деакрализации образа монарха и восприятию царя как человека земного. В русской картине мира того времени царь являлся помазанником Божиим: народ, терпевший помимо климатических и природных бедствий всевозможные социальные катаклизмы, искал ответ на свои проблемы в праведности престолонаследника. Все это создавало благодатную почву для появления самозванцев.

В XVII-XVIII веке русское общество переживало достаточно болезненный переход от традиционализма к индустриальному обществу, осуществлявшийся не только по естественному ряду причин, но и нередко по волевому решению власть предержащих. Начатые Алексеем Михайловичем изменения не только на государственном, но и на религиозном и на социально-культурном уровнях, поддержанные рельефными преобразованиями Петра Великого и просвещённым абсолютизмом Екатерины Второй, к концу 18 века привели общество к довольно острому социокультурному кризису, выражавшемуся в попытке сохранить свою изначальную старорусскую идентичность в борьбе с иногда навязанными столицей веяниями и модой. Пропасть между социокультурной данностью и новшествами стала настолько велика, что только агрессивный выплеск энергии мог перевести чашу весов в состояние равновесия. Здесь свою роль играла каждая деталь: от отказа от никоновского троерестия до неприятия женщины-иностранки на престоле. Таким образом, обоснованное в науке понятие переходного периода позволяет показать, что распад привычной повседневности не мог не травмировать сознание простонародья, провоцируя разного рода коллективные фобии и, как следствие, - вспышки бунтарских настроений и выступлений, которые вырастали из недр сакрализованного пространства традиционной культуры.

Основным регионом для большинства восстаний становилась периферия страны: Урал, Дон, Поволжье. В борьбе старорусской идентичности с привносимыми столицей новшествами периферия была физическим местом хранения и защиты традиционных ценностей допетровской России. Небольшой по территории центр, продвигающий новые ценности или, выражаясь современным языком, инновации в массы, противопоставлялся огромной периферии с замедленной модернизацией, служащей источником ресурсов и потребителем инноваций [2]. В случае, когда реформы шли из центра, периферия оставалась хранителем традиционной культуры до конца, хранителем идентичности старорусской, допетровской. Здесь отчётливо прослеживается дихотомия центр-провинция, где центр выступает за реформы и модернизацию с изменениями, а провинция и периферия встают на защиту прежних ценностей. Решительные и рельефные петровские преобразования, в купе с просвещённым абсолютизмом Екатерины были чужды населению окраинной России, и русский бунт явился совершенно не "бессмысленным" в терминах культуры и сознания того времени ответом на такие изменения.

Источники и литература

- 1) Свирида И.И. Пространство и культура: аспекты изучения // Славяноведение. - 2003.
- 2) Мауль В. Я. Социокультурное пространство русского бунта. - М.: РГБ, 2005.
- 3) Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.6.
- 4) Крестьянская война 1773-1775 гг. в России / Восстание Пугачева / Док-ты из собр. Гос. ист. музея / Сост. и авт. коммент. С.С. Дрейзен, Е.И. Индова, М.Д. Курмачева и др. - М.: Наука, 1973.